
Сознательное и бессознательное в идеологии*

© 2019 г. Е.В. Щербакова

Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, ГСП-1,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

E-mail: ev-philos@yandex.ru

Поступила 31.05.2019

Статья посвящена анализу роли бессознательных структур человеческой психики в формировании и распространении идеологических конструктов. Автор обращается к рассмотрению концепции «иллюзорного сознания» К. Маркса и теории бессознательного З. Фрейда, и приходит к выводу, что между ними существует определенное сходство. Индивид в рамках обеих теорий не осознает подлинных причин своих взглядов и убеждений, однако в одном случае источником его заблуждений является экономическая борьба, в другом — борьба внутренних влечений. Говоря о связи бессознательных структур психики и идеологии, автор выделяет два взаимосвязанных аспекта их отношений: генетический и функциональный. Генетический аспект позволяет проследить, в какой мере бессознательные представления влияют на формирование рационализированных конструкций, образующих идеологию. Функциональный аспект показывает, каким образом конструкты идеологии утверждают себя в социальной практике, используя в качестве средства такого утверждения апелляцию к бессознательным интенциям людей. Также оговаривается, что идеология обязана включать в себя реалистическую, рациональную компоненту, поскольку стремится к достижению реальных социальных и политических целей, а не к их фантазийному воплощению.

Ключевые слова: аутистическое мышление, бессознательное, «иллюзорное сознание», идеология.

DOI: 10.31857/S004287440007522-9

Цитирование: *Щербакова Е.В.* Сознательное и бессознательное в идеологии // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 31–40.

*Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление». Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива».

Conscious and Unconscious in Ideology*

© 2019 г. Elizaveta V. Shcherbakova

Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: ev-philos@yandex.ru

Received 31.05.2019

The article is devoted to the analysis of the role of unconscious structures of the human psyche in the formation of ideological constructs. The author turns to the consideration of the concept of *hjhj* “illusory consciousness” of K. Marx and S. Freud’s theory of the unconscious and concludes that there is a certain similarity between them. The individual within the framework of both theories is not aware of the real reasons of his views, however in one case the source of his errors is the economic struggle, in the other – the struggle of internal drives. The author identifies two interrelated aspects of relationship between unconscious structures and ideology: genetic and functional. The genetic aspect allows us to observe how unconscious perceptions influence the formation of rationalized structures of ideology. The functional aspect shows how ideological constructs assert themselves in social practice, by appealing to people’s unconscious intentions. The author considers that the ideology must also include a realistic, rational component, since it seeks to achieve real social and political goals, and not their fantasy embodiment.

Key words: autistic thinking, unconscious, “illusory consciousness”, ideology.

DOI: 10.31857/S004287440007522-9

Citation: Shcherbakova, Elizaveta V. (2019) “Conscious and unconscious in ideology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2019), pp. 31–40.

Проблема идеологии вызывала и вызывает ожесточенные споры в научном и политическом сообществах. Взгляды людей, считающих ее необходимым условием успешной политической деятельности, противостоят мнению противников идеологии, называющих ее «дефектным» сознанием, провоцирующим серьезные политические ошибки. Особую остроту эта полемика приобретает в современной России. Сторонники первого подхода считают приоритетной задачей конструирование некоторой общенациональной идеи, в основе которой лежат идеологические мотиваторы, способные мобилизовать широкие массы людей для решения актуальных для страны проблем. Противники идеологии рассматривают ее как деструктивный фактор, ограничивающий свободу мысли и политической практики, и считают утопичным намерение создать общенациональную идеологию в условиях реального конфликта между социальными группами, образующими нашу страну.

Для того, чтобы разобраться в сути полемики необходимо отчетливо понимать, что такое феномен идеологии. В настоящее время существует огромное количество различных его определений. В самом широком смысле идеология понимается как совокупность идей без какой-либо определенной спецификации. В этом смысле ее содержание представляет собой некие теоретические постулаты безотносительно к их

* The work is done in the framework of the leading scientific school of Lomonosov Moscow State University “Transformations of culture, society and history: a philosophical and theoretical understanding”. This paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-01097 «Social Theory and Authority: Contemporary Russian Perspective».

природе и значению. В рамках другой, наиболее распространенной точки зрения, идеология понимается как альтернатива научного мышления и квалифицируется как «иллюзорное сознание». При этом отмечается, что она стремится походить на науку по своей форме, но отличается от нее по содержанию. Впервые такое понимание обнаруживается в работах раннего К. Маркса.

Существует также понимание идеологии как особого раздела научно-теоретического знания об обществе, осмысляющего социальные процессы с точки зрения интересов той или иной социальной группы. Соответственно, она становится истинной или ложной в зависимости от того, насколько прогрессивен социальный класс, интересы которого она отображает. Такой подход встречается, к примеру, в работах В.И. Ленина. Советские ученые выделяли идеологию в качестве одного из уровней общественного сознания, который надстраивается над уровнем общественной психологии. При этом последняя понималась ими как совокупность чувств, настроений, побуждений, характерных для данного общества в целом и для каждой из больших социальных групп по отдельности, а общественная идеология – как система теоретических взглядов, отражающая степень познания обществом мира и отдельных его сторон. В таком понимании она представляет собой уровень теоретического отражения мира. Отношение между общественной психологией и общественной идеологией в данном случае рассматривается как отношение между чувственным и рациональным уровнями общественного сознания: см. [Уледов 1968].

В предыдущих работах автора показано, что идеология представляет собой процесс и одновременно совокупность продуктов духовной деятельности, имеющий целью легитимацию социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ, направленных на его изменение: см. [Смирнова 2018]. Мы утверждаем, что определяющей для идеологии является ее способность моделировать социальную реальность в целях ее изменения. Таким образом, мы делаем акцент на ее рассмотрении в качестве организующей общественной силы, способной выступать как апологетом существующего порядка, так и его противником.

Структура идеологии включает в себя суждения различного рода: проектные и ориентационные. Проектные суждения имеют своей задачей придумывание, конструирование того, чего в мире еще нет. Задача ориентационных суждений – понимание существующего мира: см. [Момджян 2013]. Ориентационные суждения различного вида играют разную роль в идеологических построениях. Рефлексивные суждения, являющиеся результатом стремления познать мир в собственной логике его бытия, включены в состав идеологии, но в основном являются прерогативой такой формы духовной деятельности, как наука. Сердцевину идеологии составляют не поддающиеся процедуре гносеологической верификации суждения ценности. Системообразующей задачей идеологии является ценностное осмысление мира с позиций различных социальных групп и конструирование соответствующих моделей социального устройства. Однако в отличие от чистой этики идеология обязательно ищет пути воплощения своих ценностных предпочтений в реальной социальной практике.

В настоящий момент мы хотим сконцентрировать внимание на новом аспекте проблемы, ранее нами не рассматривавшемся. Речь идет о месте и роли бессознательных структур человеческой психики в формировании идеологических конструкций. В современном мире все больше исследователей приходят к выводу, что рациональная и чувственная части общественного сознания оказываются связаны между собой. В поле внимания ученых попадает иррациональное содержание культуры. Говоря об идеологии, современные исследователи утверждают, что для правильного понимания данного феномена необходимо привлечение понятия бессознательного. Так, А.В. Рубцов пишет: «В ситуации, в которой официальной идеологии нет там, где мы привыкли ее видеть, тем более важны не только манифестированные, квазирациональные и вербально-дискурсивные идеологические формы, но также не столь очевидные формы, включая особого рода идеологическое бессознательное» [Рубцов 2018, 21].

В действительности еще в работах К. Маркса мы встречаем множество примеров того, что называется «мистификациями», посредством которых люди искажают

реальность в собственном восприятии и обманывают других. Маркс известен своим определением идеологии в качестве «иллюзорного сознания». Этот концепт подразумевает, что в сознании образ мира определенным способом искажается, переворачивается с ног на голову «будто в камере-обскуре», и при этом причины такого искажения не осознаются. В «Капитале» Маркс пишет: «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают» [Маркс 1960, 84]. Друг и соратник К. Маркса Ф. Энгельс писал: «Отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставит эти отношения на голову. Этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения экономических отношений. Таким образом, все стоит на голове» [Энгельс 1965, 418]. Таким образом, несмотря на то, что К. Маркс и Ф. Энгельс напрямую разработкой понятия бессознательного не занимались, в их работах, в частности, в концепции «иллюзорного сознания» этот концепт уже подразумевается. Люди не осознают ни самого факта собственных заблуждений, ни их причин, и в то же время им кажется, будто они понимают, какими принципами руководствуются в своих рассуждениях. Подлинным же источником человеческих заблуждений, по мнению немецких философов, является социальная действительность. (Интересно, что очень похожим образом впоследствии австрийский психиатр и ученик З. Фрейда А. Адлер трактовал невроз как отражение общественных отношений, которые индивид переносит на свою психику).

Наиболее фундаментальную разработку концепт бессознательного получил в рамках психоаналитической теории. Разделение психического на сознательное и бессознательное есть основная предпосылка учения Фрейда. Он также описывал некое переходное пространство между двумя данными уровнями психики — систему предсознательного. Бессознательное в его понимании неисчерпаемо, алогично, многообразно, противоречиво. При этом оно обычно скрыто или замаскировано тем или иным образом, никогда не доступно нашему наблюдению напрямую, не может быть никаким способом зафиксировано или измерено, а потому не может быть постигнуто до конца. Оно проявляет себя только косвенно, зачастую парадоксально, при этом некоторые явления могут казаться сознательными, но на самом деле являются дериватами бессознательного.

Занимаясь психопатологией обыденной жизни, Фрейд указал, что неосознаваемое содержание психики может неожиданно прорываться, проявляя себя в различного рода ошибках (оговорках, описках и т.д.), а также в противоречиях в рассуждениях о чем-либо (бессознательное не подчиняется законам логики, а потому там могут уживаться абсолютно противоречивые суждения). «Королевской» дорогой к пониманию бессознательного Фрейд называл интерпретацию сновидений. При этом им выделились манифестный и латентный уровни сна, первый из которых представляет собой его видимый сюжет, второй — его подлинное бессознательное значение. «Работа» сновидения состоит в том, чтобы замаскировать неприемлемые или болезненные переживания и стремления человека, скрыть их от его сознания. Иногда же, когда аффективный заряд слишком сильный, ему удается прорваться за этот защитный репрессивный барьер. Сновидения такого рода называются кошмарами. Таким образом, с точки зрения Фрейда, индивид также не понимает ни факта, ни причин своих заблуждений, думая, что рассуждает осознанно, хотя причины этих заблуждений кроются в глубинах его собственной психики.

Стоит отметить, что сам Фрейд напрямую об идеологии не писал, он выступал с критикой такой формы общественного сознания, как религия. Однако его методы и идеи могут быть применены и к анализу идеологии. Как известно, создатель психоанализа утверждал, что люди стремятся скрыть от себя внутренние конфликты и тревоги: «ценностные суждения людей, безусловно, проистекают из их желания счастья, то есть представляют собой попытку подкрепить свои иллюзии аргументами» [Фрейд 2016, 160]. Если сравнивать теорию К. Маркса и теорию З. Фрейда, можно обнаружить несколько неожиданное сходство — так, сознание оказывается вторичным и

там, и там, только в одном случае по отношению к экономической борьбе, в другом — по отношению к борьбе внутренних влечений. Индивид в рамках обеих теорий лишь полагает, что мыслит свободно.

Идеи о возможности применения психоаналитической теории в гуманитарных и социальных науках появлялись на протяжении всего XX в. В 1913 г. был опубликован манифест О. Ранка и Г. Сакса «О значении психоанализа для гуманитарных наук». В нем утверждалось, что психоанализ — не только терапевтический метод, но и теория, включающая в себя определенное истолкование социокультурных феноменов, таких как мифология, литература, искусство, сравнительное религиоведение, фольклор: см. [Rank, Sachs 1913].

Определенное сходство, существующее в построениях К. Маркса и З. Фрейда является причиной, почему различные мыслители, желая концептуализировать феномен идеологии, предпринимали так или иначе попытки синтезировать эти теории. К. Манхейм был первым социологом, определявшим идеологию через понятие бессознательного. В своей работе 1929 г. он характеризует идеологию следующим образом: «коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества, как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [Манхейм 1992, 67]. Таким образом, по его мнению, именно «бессознательные коллективные мотивации» направляют социальную деятельность и одновременно являются источником заблуждений. Не будучи марксистом, в частности, не признавая классовую теорию К. Маркса, он, тем не менее, считал свои взгляды на идеологию развитием его концепции «иллюзорного сознания».

Первой крупной группой социальных теоретиков, увидевших релевантность идей Фрейда для изучения общества, была Франкфуртская школа в лице Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе и Э. Фромма. Их целью был глубокий анализ таких феноменов как нацизм, фашизм, тоталитаризм. Опираясь на марксистский категориальный аппарат, они обратили внимание, что социальные субъекты, в частности классы, далеко не всегда ведут себя рационально в соответствии с собственными экономическими интересами. Напротив, политическая жизнь, по их мнению, зачастую управлялась феноменами экстремального национализма и ксенофобии, антисемитизма, культа личности, которые возносили насилие и жестокость над разумным обсуждением и дискурсом.

Таким образом, целью Франкфуртской школы было понять роковой прорыв бессознательных агрессивных влечений в политическую и социальную практику. Для этого, по их мнению, хорошо подходило психоаналитическое учение. Внутренний дуализм взгляда Фрейда на человеческую природу — основанный на диспозиции любви и ненависти, влечения к жизни и влечения к смерти — был инкорпорирован здесь в социальную теорию, которая стремилась объяснить катастрофический провал ценностей гуманизма и надежд Просвещения в эпоху нацизма и фашизма. Возможность просвещенной человеческой цивилизации, утверждение которой можно обнаружить как в работах К. Маркса, так и в работах З. Фрейда, Франкфуртской школе казалась утраченной. В работе «Диалектика просвещения. Философские фрагменты» М. Хоркхаймер и Т. Адорно задаются вопросом: «почему человечество вместо того, чтобы войти в эпоху подлинно человеческого состояния, проваливается в новую разновидность варварства» [Хоркхаймер, Адорно 1997, 8]. По своему собственному утверждению, Адорно стремился использовать идеи К. Маркса и З. Фрейда «контрапунктом» — рассматривал психологические явления как отражение социально-экономической структуры, а социально-экономическую структуру рассматривал в терминах ментальных явлений (культура, познание, структура характера).

Необходимым привлекать теорию Фрейда для понимания феномена идеологии считал и французский философ-неомарксист Л. Альтюссер, разработавший собственную теорию «идеологии как таковой». Активно использует представление об идеологическом бессознательном, синтезируя его с концепцией «иллюзорного сознания» К. Маркса и современный философ С. Жижек, определяющий идеологию с помощью формулировки К. Маркса «Они не сознают этого, но они это делают» [Маркс 1960, 84].

Таким образом, мы видим, что различные исследователи уже на протяжении практически всего XX в. считали необходимым использовать психоаналитический концептуальный аппарат для понимания феномена идеологии. Однако именно с развитием современных средств массовой коммуникации на передний план выходит понимание того, что идеологическое воздействие и идеологическая пропаганда происходят скрыто, незаметно, анонимно, минуя сознание. Становится все более очевидным тот факт, что «философии всегда имеют автора, а идеологии — нет, будучи анонимными глупостями массового сознания (корпоративного, локального)» [Сыротева 2018, 210].

Действительно, в XX веке произошло радикальное изменение способов функционирования идеологии, что позволило ей действовать «анонимно». Некоторые исследователи (Д. Белл, Ж. Фурастье, С. Липсет) приняли эти изменения за приход эпохи «конца» идеологии. Так в 50–70 гг. XX в. на Западе (в 1990-е гг. в России) было создано множество различных концепций деидеологизации. Однако уже в 60-е гг. XX в. все больше мыслителей стали понимать, что роль идеологии в обществе не снизилась, а просто произошли радикальные изменения в ее способе существования, а потому требуется привлечение новых концептуальных инструментов для ее описания. Концепции реидеологизации всесторонне обосновали, что окончательно избавиться от идеологии невозможно, ее можно только критиковать. Одним из инструментов этой критики становится концепция бессознательного.

Как было указано выше, мы придерживаемся трактовки идеологии как формы духовной деятельности, обладающей ценностной сердцевинкой, при этом обращаясь к процедурам научного дискурса, когда речь идет о поиске средств осуществления постулируемых ценностных приоритетов. Духовная деятельность имеет осознаваемый и бессознательный уровни мотивации, а потому и продукты идеологии являются выражением сразу двух интенций. При этом следует помнить, что многие исследователи (Э. Блейлер, З. Фрейд) указывали на то, что любая психическая функция может становиться то сознательной, то бессознательной в зависимости от того, насколько она связана с цельным комплексом Я в конкретный момент времени. Таким образом, для того, чтобы в мышлении человека проявлялось бессознательное содержание, вовсе не обязательно, чтобы этот процесс был полностью неосознаваемым, протекал «будто в забытьи». Сам человек может, по своему мнению, достаточно ясно понимать, что он делает или говорит, и в то же время его действие или слова все-таки будут обладать бессознательными смыслами.

Говоря о связи бессознательных структур психики и идеологии, можно выделить два взаимосвязанных, но отличающихся друг от друга аспекта. Генетический аспект позволяет проследить, в какой мере бессознательные представления влияют на формирование рационализированных конструкций, образующих идеологию. Функциональный аспект показывает, каким образом конструкты идеологии утверждают себя в социальной практике, используя в качестве средства такого утверждения распространенные стереотипы бессознательного.

В качестве иллюстрации влияния бессознательных интенций на генезис идеологических представлений можно рассмотреть антисемитизм. Важнейшей целью любой идеологии является консолидация общества и/или образующих его групп. Когда интегрированность группы оказывается под угрозой (например, в ситуации затяжного социального и экономического кризиса, когда нарастает фрустрация и уровень тревожности населения), то для поддержания солидарности может уже не хватать либидинальных сил. Становится невозможным выражать агрессию дозированными способами, и она как таковая становится уничтожающей и пугающей. И тогда, используя терминологию З. Фрейда, можно сказать, что «влечение к смерти», разрушительные импульсы отклоняются вовне — начинается бессознательный поиск своего рода «козла отпущения», фигуры врага. Это можно наблюдать на примере целых обществ (например, нацистская Германия). Иррациональность подобных тенденций к разрушению показана во многих работах, посвященных рассмотрению тоталитарных режимов (к примеру, у Х. Арндт). Еще Т. Адорно отмечал, что «антисемитизм не так сильно зависит от природы объекта, как от психических потребностей и влечений

субъекта» [Адорно 2016, 107]. Объективные социальные условия (кризис, послевоенное состояние, безработица), радикально усилили общий уровень тревожности, тем самым воздействуя не только на психическое состояние людей, но и создавая объективные посылки для краха системы. Выбор евреев в качестве объекта ненависти можно объяснить тем, что некоторое негативное отношение к ним на тот момент уже получило закрепление в различных широко распространенных стереотипах. Это позволяло выдавать подобное отношение к ним за неотъемлемый элемент традиции и в каком-то смысле даже за историческую необходимость.

Таким образом, часть идеологического содержания выходит за рамки рациональности, является отражением бессознательного. В бессознательном, как отмечалось выше, могут уживаться противоречивые и даже взаимоисключающие представления. Они могут проявляться и в идеологическом мышлении. При этом стоит оговорить, что даже иррациональная часть содержания идеологии носит неслучайный характер и может быть использована при попытках понять происходящее в обществе. Также как самые бредовые идеи больного представляют собой не случайный хаос, а в определенной, хоть и искаженной форме, выражают психические аффекты и его жизненный опыт, так и любые идеологические идеи, которые нашли резонанс в обществе, являются следствием определенных социальных причин, объясняющих их содержание.

Анализируя феномен идеологии, следует обратить внимание на идеи известного психиатра Э. Блейлера (создателя термина «шизофрения»), который описал в своих работах определенный тип мышления, названный им аутистическим, который управляется аффектами, а значит желаниями и страхами, и не ориентируется на реальность. В этом случае «мысль знать не желает (или не может) действительности» [Блейлер 1920, 35]. По мнению ученого, этот тип мышления проявляется в снах, мифах, фантазиях и т.д. Мы считаем уместным предположить, что аутистическое мышление проявляет себя и в идеологии. Данный тип рассуждения иррационален по своей природе и является выражением психической реальности, но при этом может быть частично осознаваемым и частично бессознательным. Его суть и неизбежное следствие — конфликты и противоречия с окружающей средой. Препятствия к достижению поставленных аутистическим мышлением грандиозных целей либо игнорируются, либо их суть и характер фантазийным образом искажаются. В этом смысле Блейлер противопоставлял его другому типу рассуждения, ориентированному на действительность, — реалистическому. Стоит оговорить, что в каждом конкретном акте мышления (в том числе и в идеологических построениях) в разных пропорциях представлены аутистическая и реалистическая компоненты, также как сознательная и бессознательная. Безусловно, идеология обязана содержать в себе и реалистическую, рефлексивную компоненту. Идеология, полностью неадекватная действительности, не была бы жизнеспособна. Она направлена на действительную реализацию собственных целей, а не на их фантазийное галлюцинаторное воплощение, поэтому не может не ориентироваться на действительные данные.

Говоря о функциональном аспекте идеологического бессознательного, стоит упомянуть, что аутистическое мышление особым образом взаимодействует с психической реальностью. Как писал Э. Блейлер: «бредом величия оно может больного очастливить, а если его планы рушатся, оно снимает с него вину и взваливает ее на внешние преследования, оставляя в стороне его собственное неумение» и далее: «аутистические цели мы ценим гораздо выше, чем реальные преимущества, потерю которых можно компенсировать. Этим объясняется особая дикость религиозных войн» [Блейлер 1920, 36].

Мы утверждали ранее, что идеология, в которой побеждает аутистическая составляющая, чье описание действительной социальной ситуации не соответствует реальности, становится нежизнеспособной. Но идеология, напрочь лишенная подобной иррациональной составляющей, не будет вызывать столь глубокого эмоционального отклика у населения, и потому с большой долей вероятности проиграет в конкурентной борьбе другим идеологиям, менее разумным, но более притягательным. Действительно, если бы идеологии удалось избавиться от аффективных иррациональных

частей своего содержания, их привлекательность и мотивационная сила заметным образом пострадали бы. На это же указывает А.В. Рубцов: «Идеология сплошь и рядом эффективнее воздействует именно через образы, через управление настроениями, эмоциями и страстями, включая ненавязчивые подсказки действий» [Рубцов 2018, 21].

Важнейшая причина того, почему рациональные формы познания мира не способны вытеснить идеологию, связана с ее компенсаторной функцией. Ставя перед человеком цели, к достижению которых надо стремиться, идеология нередко дает людям смысл существования, устраняет дефицит жизненных смыслов, помогает смириться с тяжелой социальной реальностью. Таким образом, она выполняет важные психологические задачи. Многие исследователи (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Л. Болтански и др.) отмечали, что идеология (в том случае, если она ориентирована на консервацию существующего порядка) делает повседневную жизнь людей более приятной, позволяет переносить различного рода лишения. Кроме того, наука, несмотря на свою рациональность и объективность, не всегда может объяснить субъекту происходящее. На некоторые вопросы она ответить неспособна, а иногда предлагаемый ей ответ оказывается для субъекта неприемлемым. В то же время идеология является не единственной формой духовной деятельности, выполняющей компенсаторную функцию – именно в этом отношении наиболее сильно проявляется ее сходство с религией. Способность идеологии выполнять психологическую функцию делает ее объектом интереса не только социальных исследователей, но и психологов и психоаналитиков, таких как В. Райх, Э. Фромм, О. Кернберг и другие.

Важно упомянуть способность идеологии придавать смысл непонятным социальным ситуациям и показывать образ действий, в этих ситуациях необходимый. Блейлер указывал: «Мы мыслим аутистически везде, где познание действительности неполно, а практические потребности или стремления к знанию нас все-таки побуждают к дальнейшему мышлению (проблемы возникновения и цели мира и человечества, проблема Божества, откуда появились на свете болезни и зло вообще, как их избежать)» [Блейлер 1920, 36]. Таким образом, наподобие того, как раньше люди объясняли неизученные природные явления через создание мифов, современные люди объясняют происходящее в обществе с помощью идеологий. Социальная действительность также порой содержит в себе множество загадок и неизвестных переменных. Подчас происходящие процессы практически невозможно ни понять, ни предвидеть, и в то же время человек испытывает потребность в осмыслении происходящего, в определенных гарантиях и уверенности, особенно в ситуациях социальной нестабильности. Сходство идеологии и мифа отмечали многие исследователи, например, Трунов А.А. пишет, что все традиционные функции мифа постепенно перешли к современным идеологиям: см. [Поддубный, Трунов, 2016].

Чтобы обладать необходимой силой внушения, идеология должна соответствовать и определенным интеллектуальным требованиям. При этом, как мы показали, даже иррациональное содержание идеологии в определенном смысле стремится удовлетворять интеллектуальным потребностям человека. Стоит упомянуть наблюдение Х. Арендт, заключающее в утверждении, что большинство идеологий подчеркнуто логичны [Арендт 1996, 608–610] – да, действительно это необходимо, чтобы соответствовать интеллектуальным запросам последователей. И одновременно идеология часто не замечает собственных противоречий с реальностью. Как пишет С. Жижек: «Любая идеология действительно успешна ровно в той мере, в какой она не позволяет увидеть противоречия между предлагаемыми ею конструкциями и действительностью, когда она задает сам модус действительного повседневного опыта» [Жижек 1999, 28]. Действительно, не существует прямой связи между логичностью рассуждения и его истинностью. Грамотное рассуждение, основанное на ложных посылах (например, если его автор начал свои построения с того, что выдал желаемое за действительное), в итоге придет к ложным выводам. Кроме того, ничто не мешает идеологии одновременно подчеркивать логичность своих выводов, и психически отторгать информацию, которая им противоречит. Еще Маркс указывал, что ошибочность представлений идеологов «проистекает из исторического процесса их жизни», а не связана

с недостаточностью их интеллектуальных способностей [Маркс, Энгельс 1985, 20]. В свою очередь, стоит оговорить, что часть ошибок не является проявлением аффективных желаний или социальной ангажированности — логическая путаница, недостаточная осведомленность и т.д. также имеют место быть. Что не отменяет того факта, что, возможно, роль ошибок, связанных с аффективно значимыми для рассуждающего представлениями, недооценивается.

Следует отличать подлинную рациональность от того, что в психологии называют рационализацией, являющейся определенным видом психической защиты. Она представляет собой псевдорациональное рассуждение, которое по форме похоже на логическое построение, но, по сути, движимо аффектом, и не является объективным и непредвзятым, хотя и может производить такое впечатление. Схожим образом подчас функционируют и идеологические построения — создающие видимость логических и объективных, но преследующие субъективные цели и готовые поступиться ради них объективностью и непредвзятостью.

Философы-рационалисты предполагали, что научное мышление способно подменить собой различного рода мифологемы. Похожих взглядов придерживались и сторонники концепций деидеологизации — Д. Белл, Р. Арон и др. Однако история XX века показала, что это не совсем так. Несмотря на невиданный прогресс рационального знания, наука не вытеснила ни идеологию, ни мифологию, ни религию, ни другие иррациональные виды духовных практик. Напротив, некоторые исследователи отмечают даже расцвет подобного рода мировоззрения. Эти процессы привели скорее к необходимости пересмотра отношения науки и идеологии в современном мире. К примеру, Ю. Хабермас в своей работе «Техника и наука как идеология» рассматривал науку как идеологическое по своей сути сознание: см. [Хабермас 2007]. Предлагаемый нами подход в отличие от концепции «иллюзорного сознания», делающего акцент исключительно на познавательном потенциале идеологии, а потому описывающего только часть ее содержания, не ведет к формированию однозначно отрицательного, негативного отношения к ней. Мы не соглашались с тем, что верно жесткое противопоставление идеологии и науки (как было введено в теории К. Маркса), так как идеология является принципиально отличной от науки формой духовной деятельности, преследующей другие цели, включающей в себя не только суждения истины, но в первую очередь суждения ценности, проектные и бессознательные элементы.

Таким образом, мы показали, что рациональная и иррациональная компоненты общественного сознания оказываются тесно связаны между собой, и феномен идеологии является тому подтверждением. Она содержит в себе и сознательные и бессознательные части. При этом в ней также парадоксальным образом сочетаются аутистическая компонента, движимая аффектами, связанная с отвлечением от внешнего мира, и ориентация на реальную практическую реализацию собственных целей в социальной действительности. Нельзя игнорировать ни один из компонентов идеологии, желая концептуализировать данный феномен. Бессознательное иногда выступает как причина формирования определенных идеологических конструктов, а иногда как средство их распространения, одна из «опор» пропаганды. Иррациональная компонента идеологии, с одной стороны, может препятствовать достижению ей своих реальных практических целей, с другой — является причиной ее притягательной силы, а также позволяет ей надежно и незаметно осуществлять свое воздействие.

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Адорно 2016 — Адорно Т. Исследование авторитарного характера // Адорно Т., Френкель-Брюнсуик Э., Левинсон Д., Сэнфорд Н. Исследования авторитарного характера М.: Профит стайл, 2016 (Adorno Th., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford N., *The Authoritarian Personality*. Russian translation).

Арендт 1996 — Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центр Ком, 1996 (Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. Russian translation).

Блейлер 1920 — Блейлер Э. Руководство по психиатрии. Берлин: Изд-во товарищества «Врач», 1920 (Bleuler Eu. *Lehrbuch der Psychiatrie*. Russian translation).

Жижек 1999 – *Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии*. М.: Художественный журнал, 1999 (*Žižek S. The Sublime Object of Ideology*. Russian translation).

Манхейм 1992 – *Манхейм К. Идеология и утопия*. М.: ИНИОН, 1992 (Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Russian translation).

Маркс 1960 – *Маркс К. Капитал* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960 (Marx K. *Das Kapital*. Russian translation).

Маркс, Энгельс 1985 – *Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология* // Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985 (Marx K., Engels F. *Die deutsche Ideologie*. Russian translation).

Момдзян 2013 – *Момдзян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества и истории*. М.: Издательство Московского университета, 2013. (Momdzyan K. K. *Activity Approach to Analysis of Human, Society and History*. In Russian).

Уледов 1968 – *Уледов А.К. Структура общественного сознания (теоретико-социологическое исследование)*. М.: Мысль (Uledov A. *The Structure of Social Consciousness (Theoretical and Sociological Research)*. In Russian).

Фрейд 2016 – *Фрейд З. Неудовлетворенность культурой* // Хрестоматия. Т. 2. М.: Когито-центр, 2016 (Freud S. *Das Unbehagen in der Kultur*. Russian translation).

Хабермас 2007 – *Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»*. М.: Практикс, 2007 (Habermas J. *Technik und Wissenschaft als „Ideologie“*, Russian translation).

Хоркхаймер, Адорно 1997 – *Хоркхаймер М, Адорно Т. В. Диалектика просвещения*. М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997 (Horkheimer M., Adorno Th. *Dialektik der Aufklaerung*. Philosophische Fragmente. Russian translation).

Энгельс 1965 – *Энгельс Ф. Письмо к Конраду Шмидту 27 октября 1890* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Издательство политической литературы. Т. 37, 1965 (Engels F. *Brief an Conrad Schmidt, 27 October 1890*. Russian translation).

Primary Sources

Rank, Otto, Sachs, Hanns (1913) *Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften*, Bergmann, Wiesbaden.

Ссылки – References in Russian

Поддубный, Трунов 2016 – *Поддубный Н.В. Трунов А.А., Почему идеология не стала наукой о рациональном мышлении?* // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 105–120.

Рубцов 2018 – *Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении* // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27.

Смирнова 2018 – *Смирнова Е.В. Идеология как основание типологии обществ?* // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 2. С. 105–118

Сыроедова 2018 – *Сыроедова А.А. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола»)* // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207–217.

References

Poddubny, Nikolai V. Trunov, Anatoly A. (2016) “Why did not Ideology Become a Science of Rational Thinking?” *Historical Psychology & Sociology*, Vol. 9, No 2, pp. 105–120.

Rubtsov, Alexander V. (2018) “The Transformation of Ideology. The Concept of the Ideological in the 'Extreme' Expansion”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 18–27.

Smirnova, Elizaveta V. (2018) “Totalitarian Stylization of Ideology as the Basis of a Typology of Societies?” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. Vol 2 (2018) pp. 105–118.

Syrodeeva, Asya A. (2018) “Philosophy and Ideology: Illusion of the Deideologization (Review of the 'Round Table')”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 207–217.

Сведения об авторе

ЩЕРБАКОВА (Смирнова)

Елизавета Валерьевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's information

SHCHERBAKOVA (Smirnova) Elizaveta V. – CSc in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.